

ПЕРСОНА

Борис Невзоров:

«Колбасы стало больше, совести — меньше»

Век. — 1997. — №22. — с. 11

Благородные поступки кормщика Ивана Рябова из многосерийного телефильма «Россия молодая» вряд ли оставили кого-то равнодушным. Кажется, сама Русь слепила этого мужика по своему образу и подобию. Простой, тихий, совершенно непохожий на героя, в минуту грозного испытания он творит поистине великие дела.

«Век» беседует с заслуженным артистом России Борисом Невзоровым.

— Борис Георгиевич, что для вас образ Рябова? Насколько он соответствует вашему внутреннему «я»?

— Он мне дорог по многим причинам. Я как бы начался с этой картины, хотя что-то было сделано и до нее. Только сейчас я понимаю, какое колоссально трудное по профессии дело — сыграть «тихого» героя.

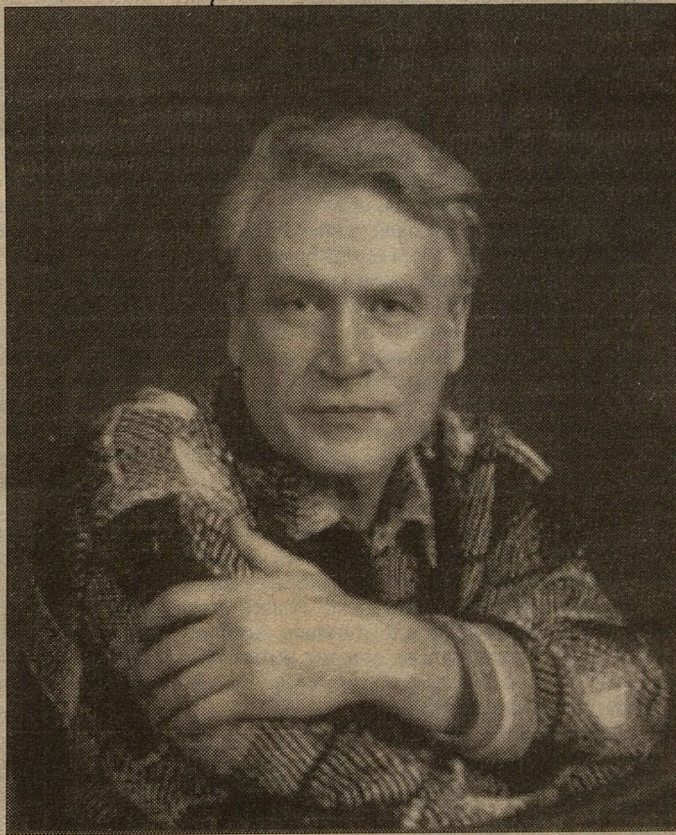
Что касается «соответствия»... Так как актер — существо внутренне пластичное, то вполне естественно, что какие-то отголоски сыгранных ролей продолжают жить в твоём подсознании. Где-то глубоко-глубоко...

С фильмом «Россия молодая» вообще произошла какая-то загадка. Мы потом говорили об этом со многими, снявшимися там. Все так истосковались по теме о России, что, когда начались съемки, — каждый в душе был уже готов к ним. Каждый привнес в картину все свои накопления, способности...

Недавно, когда ее повторяли по ТВ, я был в гостях, и мне сказали: «Посмотри, как светится изнутри этот фильм». К сожалению, многие замечательные актеры, снявшиеся в картине, уже ушли из жизни. И Лапиков, и Стрельчик, и Борисов...

— Откуда в вас крепкая мужицкая кость?

— Я из Краснодарского края. Из казаков. Детство, юность прожил на Волге — в Астрахани. Туда меня привезли, когда мне еще не было и трех лет. Оба брата мои стали моряками — ходили в море. Свой мир, свои законы, свое отношение к жизни. Очень честное, не жестокое... нет, а жесткое. Конечно, все идет от жизни, от той среды, где ты находишься. Поэтому во мне, наверное, есть некая такая воляница.

— Борис Георгиевич, вы человек «со стажем». В вас чувствуется духовная основательность. Чем вы ее подпитываете?

— Ну как... в России, что ли, нечем подпитываться? При такой литературе, при таком искусстве...

Конечно, это ко многому и обязывает. Меня сегодня очень удивляют люди, которые, пытаясь заниматься искусством, совершенно не соответствуют тому, что уже создано. Скачиваются на какие-то «не наши» дела. Дела, скажем, не для нашего дома.

Правильно сказано: колбасы стало больше, совести — меньше. Меня сейчас волнует нравственный аспект всего происходящего. Есть же сакраментальный вопрос: ради чего? Ради чего все это делается? Конечно, надо было что-то менять. Но неужели ради того, чтобы только вкусно поесть? А как же нравственное поле?...

Я думаю, что именно из-за этого, из-за потери смысла жизни, и ушло в последнее время столько людей моего круга. Человек может выдерживать все — отсутствие колбасы, модных тряпок, но отсут-

ствие смысла жизни выдержать невозможно...

— Есть ли, по-вашему, надежда на обретение утраченного?

— Естественно. Эта болезнь не наша: нас заставляют ею болеть. Я поражаюсь тем политикам, которые без конца проводят на нас эксперименты. Кто им дал право так распоряжаться судьбами других людей? Я понимаю: у них не все в порядке с совестью. По-моему, прежде чем что-то делать, надо подумать, совестливо это или несовестливо.

— Борис Георгиевич, в качестве режиссера вы сняли картину «У попа была собака»...

— Я давно шел к этому. Внутри организма, называемого кино, существуют разные плоскости. Я сыграл немало ролей — наверное, под сто. Захотелось как-то по-новому использовать накопленный опыт.

Увы, сегодня кино превратилось в некий междусобойчик. Весь наш оставшийся небольшой киномир разделился на отдельные группы, которые живут сами по себе. Проводят свои фестивали, сами себя награждают. Все остается внутри

этих групп и, к сожалению, никакого отношения к зрителю не имеет.

Режиссер — жесткая, коварная профессия. Иногда думаешь: а стоит ли? Ведь подчас приходится переступать определенные грани. Хорошо об этом сказал Алексей Герман: «Только бы эти профессиональные качества не перешли в человеческие качества». Сколько знаю режиссеров, которые после каждой картины говорят: все, больше не хочу. Но проходит время — и они опять снимают. Это своеобразная наркомания. После своей картины я какое-то время не мог видеть людей, с которыми работал. А сейчас мне снова хочется снимать. Думаю о Лескове — о «Соборях».

— Вы сейчас играете в театре?

— Да. В Театре им. Станиславского. Всего в двух спектаклях.

— Вы верите в удачу?

— Я верю в некое служение. В то, что если человек чего-то очень хочет и все время к этому стремится, у него обязательно получится. В принципе у меня так. Рано или поздно я получаю то, к чему стремлюсь. Главное — не торопить удачу...

— Как вы относитесь к религии?

— Есть огромное уважение. Может быть, даже не к Богу, а к Миру. Не хочется лгать. Что-то в этой жизни все-таки упущено... Какой-то внутренний процесс идет. Куда он ведет — не знаю...

У меня ближайший друг — настоятель монастыря в Тверской губернии. Я стараюсь помогать. Монастырь строится буквально на пустом месте. Такое мое служение намного плодотворнее, чем если я ударю себя в грудь и скажу: верую. Хотя хотелось бы... Внутренняя работа идет.

— Борис Георгиевич, ваше самое-самое сокровенное желание...

— Хочется неисполнимого. Сколько ушло из жизни близких людей, и ты не успел им сказать чего-то самого главного, не услышал от них... Вернуть бы их всех — сесть за общий стол... Сказать последнее «прости»...

Беседу вел
Сергей АЛЕКСАНДРОВ